

Дело №6911: смертник



Ари Хейл

Ари Хейл

Дело 6911: Смертник

«Автор»

2026

Хейл А.

Дело 6911: Смертник / А. Хейл — «Автор», 2026

Виктория Мартинес — юная девушка, чьё имя говорит о победе, но жизнь уже давно побеждает её: после череды трагедий она вынуждена жить в лагере, где дети разделены по цвету одежды и называют некоторых Смертниками. Номер на груди — 6911 — стал клеймом, которое определяет её будущее и язык насилия, которым окружает её общество. Когда Виктория начинает дружбу с Рейтаном Беллом, их стремление к свободе превращается в рискованную операцию побега. Но лагерь держит в руках не только камеры и охранников: он хранит правдивые истории, которые идут гораздо глубже, чем кажется. По мере того, как тайны начинают всплывать на поверхность, Виктория понимает, что не только её жизнь может зависеть от решения выбраться наружу. Маски, побег и загадочные цифры (6911, 307) оказываются частью более широкой игры власти и правды — и только любовь и смелость могут привести к настоящей свободе. Эта история о травме, выживании и силе голоса, который может изменить мир, а также тайне, которая скрывается под маской

© Хейл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дело 6911: Смертник

Глава 1

Я была желанным ребенком. Но это не принесло мне радости в жизни, скорее стало проклятием. Я не пессимист, но сейчас, прижавшись щекой к холодному и мокрому от моей крови асфальту, эта мысль исходит из легких протяжным хриплым стоном, который заглушил крик ворон. Как же хотелось не чувствовать боли. Как же хотелось чувствовать своё тело. Я пыталась пошевелиться, встать, но конечности отказывались слушаться, будто я не была в своём теле. Будто я не принадлежу ему. Будто меня уже нет в нём. Будто меня нет в этом мире.

Последнее, что я хочу сейчас знать, как *он*? Получилось у *него* сбежать? Или с ним поступили так же, как со мной? Он тоже, как и я, стирает о морские камни кожу живота, пытаюсь спастись? Пытается написать кровью слова помощи, надеясь, что кто-то выйдет на берег и спасет его? Надеюсь, что это не так. Очень хочу, чтобы он жил. Он этого заслужил. Не то, что я... Смертники не должны жить. А он должен. Он не такой, как я. Он не смертник. Он просто был рядом.

Рассудок начал мутнеть.

Где я?

Куда я ползу?

Что произошло?

От кого я пытаюсь спастись?

Кто эти люди в полицейской униформе?

Кого я хотела спасти?

Как меня зовут?

Кто я..?

—Мам, расскажи ещё раз историю про мое появление, -я перевернулась на живот и согнула ноги в колене, болтая ими. Несколько раз в год я прошу рассказать эту историю, потому что она кажется фантастической. Просто чудесной. Потому что я чудо. Чудо, которое появилось десять лет назад, когда надежды были потеряны. Именно поэтому меня назвали Викторией, что значит “победа”.

—Ох, Тори, ты меня замучаешь этой историей, -мама рассмеялась. Как же мы с ней похожи. Многие говорят, будь мама немного моложе, то её могли бы путать с моей сестрой. У нас схожие черты лица. Голубые глаза и русые волосы. Тонкий нос и губы. Ещё у нас одинаковые родимые пятна, только у меня еле заметный на щеке, а у мамы на ноге.

—Но она тебе тоже нравится.

—Конечно, потому что в тот день я стала самой счастливой, -мама чмокнула меня в лоб. — Морган, иди тоже послушай, -я помахала рукой брату, который лишь фыркнул, что слышал эту историю миллион раз. В последнее время он стал раздражительным, злым и грубым. Наверное, у него что-то произошло. Но почему он молчит? Почему все держит в себе? Ему неинтересно со мной? Разве разница в восемь лет может стать этому причиной? Или его беспокоит, что в нас нет ни миллилитра родной крови? Почему он не держит клятву, которую мы давали несколько лет назад? Мы обещали друг другу быть всегда вместе! А сейчас мы отталкиваемся друг от друга, как льдины в океане. Наверно потому, что совсем не похожи. У Моргана темные кудри

и темные глаза, которые пробирали до глубины души. Его лицо заострённое, нос картошкой, а губы пухлые.

—Мы с папой долго планировали завести еще одного ребенка, -мама откинулась на спинку дивана и мечтательно уставилась на потолок. —Думали, Морган не будет против. Долго старались, но ничего не получалось. Многое перепробовали, а результата это не дало. Мы тогда отчаялись и... совершили большую ошибку.

—Но ведь благодаря этой ошибке я и родилась!

—возразила я, возмущенно подпрыгнув на диване. —Да, милая... Мы с папой пошли к целительнице, которая нам, собственно, и помогла забеременеть. Её методы казались сумасшедшими, да и сама она была немного чокнутой, -мама покрутила пальцем у виска и грустно улыбнулась. —Я носила тебя под сердцем девять месяцев. И вот пришёл день, когда ты должна была появиться на свет. Мы отправились с папой к этой шарлатанке, чтобы отблагодарить, но, как оказалось, зря. Она отвела нас в старую церковь неподалёку, чтобы мы поблагодарили Господа за подарок свыше. Тогда в храме находилось трое взрослых мужчин, которые на первый взгляд просто молились. Я подошла к длинному прямоугольному алтарю, застеленному белой простыней, с которого “ведьма” взяла кинжал.

—Кинжал? Зачем?

—Ты же знаешь. Им тебе перерезали пуповину. —Ббрр, -меня передернуло, и я театрально скривилась.

—Я думала, что она проведет обряд, порежет себе руку, но ошибалась. Папу схватили те амбалы, а “ведьма”, воспользовавшись тем, что воды отошли, заставила меня лечь на этот “жертвенник”. —Но как она могла тебя заставить? Неужели ты не сопротивлялась?

—Я была не в том положении, чтобы сопротивляться. Лучше сделать так, как сказали, чем потерять тебя. Тем более, я не знала, что она планировала сделать. Надеюсь, ты никогда не почувствуешь, как твоё тело немеет, а в голове лишь одна мысль, которая будет вырываться из тебя непонятными стонами и попытками как-то себе помочь, -мама начала гладить меня по волосам, успокаивая и себя, и меня. —Тот жертвенник был холодным. У меня начались схватки...

—А где был папа? Почему он не сопротивлялся? —Он вырывался. Кричал. Пытался спасти нас с тобой. Но ему было не справиться с тремя здоровяками, которые держали его и били под дых.

—Бедный папочка.

—Да... Я начала рожать. Это были ужасные муки, такой боли я не чувствовала никогда, -мама скривилась. —Ведьма собиралась принять роды, вместо того, чтобы позвонить в скорую. Тогда папа начал кричать: “Я обрушу ад на твою голову!” —Вау, папа такой крутой.

—А шарлатанка продолжала: “Тужься, ребенок скоро появится. Приложи немного усилий”. На это папа ответил: “Я буду купаться в твоей крови!” Через пару минут ты стала вылезать.

—Ты умрешь в муках, -добавила я папину фразу, которая была моей любимой. Эта история вызывала восторг и восхищение.

—Еще через некоторое время ты родилась. Кинжалом перерезали пуповину. Шарлатанка держала тебя на руках и улыбалась. “У тебя прекрасная дочь”-ты стала плакать, а она тебя укачивать. Она вела себя, будто сама тебя родила. Будто ты ее дочь. Папа обессилел, как и я. Тогда прозвучала фраза, разбившая материнское сердце. “Я начну жертвоприношение, когда солнце скроется за горизонтом”. Тогда я попросила ведьму поддержать тебя, не зная, что будет дальше. Ты сразу же успокоилась, когда я прижала тебя в груди. —Как вам удалось меня спасти? —я в предвкушении прыгала на диване.

В дверь кто-то позвонил.

—Сейчас приду, -мама встала, поправила платье салатного цвета и направилась к двери.

—Зачем ты постоянно просишь рассказать эту историю, когда знаешь её наизусть? -брат недовольно повернулся в нашу сторону. —Она мне нравится, -я попыталась сказать это более мягко и непринужденно, чтобы ненароком не обидеть Моргана.

—Нет! Тебе просто нравится чувствовать себя особенной! Ты же им родная!-Морган презрительно фыркнул и поднялся из-за стола.

—Морган, -с болью в голосе позвала мама, прижимая руку к груди.

—Вы Морган Мартинес? -спросил мужчина в военной форме, держа планшетку с документами. —Я вас слушаю, -брат встал в проеме. Мое сердце заколотилось. Неужели его отберут у меня? Моего старшего братика. А если с ним что-то случится?

—В стране объявлена частичная мобилизация. Просим прибыть через час в военное подразделение. При себе иметь только средства гигиены и несколько комплектов белья. Можете пока попрощаться с родственниками, -мужчина удалился. —По какому случаю мобилизация? -спокойно спросил брат, нисколько не поменявшись в лице. Как он может так реагировать? Пока Морган безучастно пожимает плечами, на моем лице нет сухого места.

—Смертники, -тихо сказала мама, опуская голову.

—Смертники? Это кто?

—Недалеко от города расположен специальный лагерь, в котором содержат детей в возрасте до восемнадцати лет. Там есть обычные дети, которые просто остались без родителей и там есть те, кто обвиняется в серьёзном нарушении порядка. Грабежи, разбои, убийства... Смертниками называют особо опасных. Тех, кто убил несколько человек, не оставив никаких доказательств. Правительство хочет контролировать таких детей, -мама стирала слезы с бледного лица. Её руки дрожали. —Но если они в лагере, то для чего мобилизация? И почему таких детей не отправляют в тюрьму? -я села на пол, не в силах держаться на ногах. В голосе брата была заинтересованность.

—Этого я не знаю. Но они хотят отловить всех смертников и... Пошли собираться. Осталось не так много времени, -мама стала подниматься на второй этаж, где находилась комната Моргана.

—Мама же хотела сказать, что их будут отлавливать и убивать? -я хотела подняться и подойти к брату, чтобы попросить не уходить, но ноги не слушались. Меня болтало из стороны в сторону как мужчин, от которых папа говорит держаться подальше. —Да. Смертников нужно убивать, -безжалостно сказал Морган, словно для него это обычное дело. —Как ты можешь такое говорить? Ты добрый и чуткий человек с мягким сердцем, -я потянулась рукой, чтобы коснуться сердца брата, но он оттолкнул её.

—Я хуже, чем ты можешь себе представить.

Глава 2

Прошло пятьдесят четыре дня с момента, как Моргана мобилизовали. Что сделали эти Смертники?

Почему они так опасны? Может, это проблема не Смертников, а глупого правительства, которое решило из демократии сделать тоталитаризм? Мы живём в современном обществе, где права и свободы необходимы. Но зачем убивать людей, чья вина не доказана никакими уликами? Этого я никак не могла понять.

—Спокойной ночи, солнышко, -мама и папа поцеловали меня на ночь и ушли в свою комнату. Они немного изменились, как Моргана забрали. У мамы появились синяки под глазами, а у папы появилась седина. Они постарели за пятьдесят четыре дня.

—Спокойной ночи! Я люблю вас! -как же редко я говорю родителям, что люблю их.

Свет в комнате погас, оставив меня в крошечной тьме. Я уставилась в потолок, пытаюсь на нём различить какие-то силуэты, но так ничего и не увидела, потому что уснула.

Не знаю сколько прошло времени, прежде чем я проснулась от глухого звука. Глаза оставались закрыты, а сердце учащенно билось, отдавая пульсацией во всем теле. Мысли пока не пришли в порядок. Что случилось? Это на улице или дома? Стоит ли волноваться? У родителей что-то упало? А может это грабители?

Я открыла глаза и свернулась в комочек, вглядываясь во тьму коридора. Раньше я не замечала страха, но сейчас была напугана тем, что кто-то резко появится в дверном проеме. Особенно в эту минуту, когда пульс грохочет в ушах. —Я не хочу умирать, -прошептала я. Моргана часто говорил, что я драматизирую. А если я так перестраховываюсь? Не люблю опасности. Хочу спокойную жизнь без приключений. Без ненужного риска.

Я вслушиваюсь в звуки. Тишина. Наверно, показалось.

—Папа дверь забыл закрыть, и её сквозняком открыло? -я сунула ноги в мягкие тапочки и, крадучись, вышла в коридор. На ступеньки падал яркий лунный свет, такой завораживающий, что не хотелось никуда идти.

Я завороченно протянула руку к свету и улыбнулась. Но улыбка быстро сменилась гримасой непонимания, когда на ладони увидела два пятна бурого цвета.

—Что это? -я сжала пальцы и почувствовала, что это что-то еще влажное. —Надо срочно к маме. Я перешагивала через несколько ступеней, сокращая расстояние до родительской спальни. Сердце пуще прежнего стучало в груди. Это мешало думать логически. Но как думать в такой ситуации? Я завернула за угол. Дверь в комнату родителей была открыта. Они всегда её закрывают! Всегда!

Может, это она и ударилась? Нет...

—Мама! -крикнула я, увидев тело мамы на ковре. Она растянулась на полу, а вокруг неё было пятно такого же цвета, как и у меня на руке. Что происходит? —Мамочка!

Я бросилась к ней и упала перед ней на колени, не зная, что делать и куда деть руки. Глаза мамы стали такими бесцветными и безжизненными. Из них пропал привычный огонек. Неужели, у меня такие глаза? Они выглядят пугающе. Так пугающе, что от них нельзя отвести взгляд.

—Тори, -мама приложила очень много усилий, чтобы выдохнуть мое имя.

—Мамочка! Мамуля, что произошло? Где папа? -я тряслась над её телом, пытаюсь услышать, что она пытается сказать.

—На кровати, -я подняла голову. Да, папа лежал на кровати на животе в неестественной форме. Белые простыни пропитались кровью. Почему я уверена, что это кровь? Может, мама и папа решили выпить, а это вино. —Тори, беги!

–Что? -мама убрала руку с живота, и я увидела уродливый порез во всю длину живота. -Мама, что это? Откуда он у тебя?

–Тори, пожалуйста. Беги. Он вернется, -мама тяжело дышала, а я плакала, не понимая, что она говорит. От кого бежать? Куда? Про кого она говорит?

Уши заложило от внезапного грохота. Он не был похож на тот глухой удар, скорее напоминал звук выстрела из папиных криминальных сериалов. На лицо брызнуло что-то тёплое. Я упала на бок, закрывая уши руками, пытаюсь прервать противный звон. Пол вибрировал от шагов.

Что происходит? Я все еще сплю?

Я вскочила и посмотрела на маму. Из её рта стала течь алая струйка крови. Во лбу появилась дырка от пули.

–Папа, проснись! -я, не замечая ничего вокруг, стала расталкивать холодное тело папы, захлебываясь слезами. Нет, нет, нет. Этого не может быть! Такого не бывает! Я сплю. Я определенно сплю.

Я начала бить себя по щекам, пытаюсь проснуться, но чувствовала только боль, которая заполняла каждую клеточку тела.

–Они мертвы. Я их убил, -сухо произнёс голос, чем-то заглушаемый.

–Нет! -кричала я, мотая головой из стороны в сторону.

–Я их убил, -повторил человек в черной маске, которая полностью закрывала его лицо. он сидел на подоконнике и смотрел на меня, немного наклонив голову.

–Нет! Верни их! За что?

–Не знаю, просто, -незнакомец пожал плечами так безразлично, что сердце на мгновение остановилось, а потом так сильно ударило, что внутри все сжалось. К горлу подкатила тошнота от запаха крови и пороха.

–Кто ты? Что тебе нужно? -я не боюсь его. Сейчас не страх на первом месте, а невыносимая боль из-за потери родителей.

–О, моя милая Тори, я хочу поиграть в прятки, -мужчина демонстративно закрыл глаза маски руками и звонко рассмеялся.

–Ты психопат! -я встала с кровати и попятилась к двери.

–Да. Я понял, что убивать людей довольно... заманчиво. Весело! А сейчас я просто хочу поиграть с тобой. Как тебе идея? Ты прячешься, а я тебя ищу. И когда я тебя найду, то ты станешь ещё больше похожа на свою мамашку, потому что в твоей голове тоже окажется пуля.

Я будто видела, как этот человек улыбается, хотя не видела его лица. Только очертания фигуры под длинным пальто. Он широк в плечах. –Я позвоню в полицию! Мой брат убьет тебя!-кричала я, сжимая до боли кулаки. Морган отомстит за родителей.

–Ох, забыл тебе кое-что сказать. Моргана больше нет.

Я свалилась на пол. Их больше нет. Никого из моей семьи больше нет. Все мертвы. Я одна. Одна против этого страшного мира. Я сирота. Мне никто не поможет.

–Я не верю! Морган не мог умереть! Мой братик сильный!

–Морган, которого знала ты и знал я, мёртв. Но хватит этих разговоров. Пора начинать игру! Я считаю до пяти. Пять секунд, чтобы спрятаться.

Давай. Один...

Я ему не верю! Возможно, он убил родителей, но не Моргана. Морган сейчас... Нет, он жив. Он в любом случае жив. Я чувствую это.

–Два.

Я метнулась в сторону входной двери. Адреналин бежал по венам. Первая здравая мысль, которая пришла в голову была такой: выстрел был достаточно громким, он мог разбудить соседей. Стоит потратить эти драгоценные секунды, чтобы перебежать дорогу и оказаться в сосед-

нем доме. Там уже вызвать скорую и полицию. Возможно, ещё удастся спасти родителей. Возможно, они еще живы. Я хочу в это верить. По-другому просто быть не может.

–Так не интересно! -крикнул мужчина и рванул за мной. Не успела я добежать до двери, как он схватил меня за волосы и повалил на пол.

Голову и спину саднило от удара. Перед глазами мелькнуло что-то блестящее, что-то напоминающее нож. Очередная порция боли пронзила тело. Ткань лёгкой пижамы мигом намокла и окрасилась в алый цвет.

Я глотала воздух маленькими глотками. В глазах плясали разноцветные огоньки, а потом гасли. –Всегда надо играть по правилам, иначе, можно поплатиться.

–Игра с начала была неравной, -теперь я понимаю маму, которая берегла силы. Это больно. Так сильно больно, что словами не передать.

–Тогда второй раунд будет более захватывающим, -незнакомец занёс руку над головой, и в следующую секунду все потемнело.

Глава 3

–Ты готова? -женщина взяла меня за руку, которую у меня не было сил отдернуть.

Сегодня родителей будут хоронить. Мама и папа умерли в один день, как в сказке. Только какая это сказка, где люди умирают? Где счастливый конец? Почему нет фейерверков и милого поцелуя? Где они? Почему их тела в морозильной камере морга, а собравшиеся в коридоре в черных одеждах? –Мне обязательно идти? -я шмыгнула носом, потирая саднящий живот. Врач сказал, что порез неглубокий, просто царапина. Почему человек в маске меня не убил? Почему под его нож попали только родители? Какую цель он преследовал? И что за второй раунд? Нам еще придется встретиться? Я не об этом должна думать сегодня. Этот день-день памяти моих мамы и папы, которых безжалостно убили в своём доме.

–Сегодня важное событие. Это последний шанс увидеться и попрощаться с родителями, -женщина, чьё имя я не запомнила, помогла мне встать и открыла дверь в морг.

–А Морган будет? -я посмотрела на неё с надеждой. Он просто обязан быть в этот день рядом со мной. Мы же обещали друг другу никогда не расставаться.

–Я отправила ему сообщение.

Это место... оно пахнет странно. Не так, как дома, где пахло мамиными пирогами и папиным одеколоном. Здесь пахнет чем-то холодным и немного... сладковатым. Как будто кто-то забыл выкинуть старые цветы. Те, что обычно несут на могилу.

Комната большая, и очень, очень светлая. Свет идет отовсюду, такой яркий, что глазам больно. Стены белые, как снег, но какой-то неживой снег, который никогда не тает. На полу тоже что-то блестящее, как будто его только что вымыли, но не водой, а чем-то другим.

Посередине комнаты стоят такие длинные, холодные столы. Они тоже блестят, и на них нет ничего, кроме двух белых простыней. Простыни такие ровные, как будто их никто не трогал. Я боюсь подойти близко. Мне кажется, если я дотронусь до них, они будут такими же холодными, как и все здесь.

В углу стоит какая-то большая, блестящая штука, похожая на холодильник, но без дверей. Она гудит тихонько, как будто что-то внутри спит. Я не хочу знать, что там. Я просто хочу, чтобы все это закончилось.

Я смотрю на эти столы и мне кажется, что они ждут кого-то. Ждут, когда на них положат что-то. И я знаю, что это будет. Я видела, как они уносили маму. Она была под такой же белой простыней. Я видела, как уносили папу. Он был под такой же белой простыней. Их лица и тела закрыли, чтобы не видеть того ужаса, который оставил незнакомец. Мне хочется спрятаться. Забиться куда-нибудь в уголок, чтобы никто меня не нашел. Но здесь нет уголков, где можно спрятаться. Все такое открытое и пустое. Как будто все самое важное забрали, а оставили только это холодное, блестящее место. Я хочу домой. Хочу к маме и папе. Но я знаю, что их здесь нет. Они ушли. И это место... оно как будто напоминает мне об этом каждую секунду. О том, что они больше не вернуться. И от этого становится еще холоднее, чем от всего этого блеска и белизны. С каждой секундой я начинаю лучше понимать, что осталась одна. Мне никто не поможет. Никто не будет ждать дома, когда я вернусь со школы. Никто не купит мне горячий шоколад с маршмеллоу. Никто не вылечит, если я заболею. Только смогут порадовать весной расцветающими на могиле цветами и прекрасными закатами и восходами. В фильмах и книгах часто говорят, что жизнь продолжается, что надо жить дальше. Это верно, но жить, как прежде не получится. Смерть в любом случае оставляет шрам на сердце.

–Виктория, -женщина коснулась моего плеча.

–Мне надо подышать, -я развернулась и выбежала из комнаты. Ноги сами меня несли витиеватыми коридорами, которым не было конца.

Дыхание сперло. Кто этот мужчина в маске? Что он хотел? Почему именно мои родители? Почему он не убил меня?

Я спускалась по лестнице, смотря в одну точку и размышляя над произошедшим. С одной стороны я гнобила себя за то, что ничего не смогла сделать, что проявила слабость, что бегаю медленно, что потеряла сознание, когда меня ударили кулаком по лицу. Но с другой стороны, что я могла сделать? Мне десять лет. У меня не было с собой телефона, чтобы позвонить в полицию или скорую. Я не занимаюсь боевыми искусствами и не прошла курсы самообороны. И я просто струсила.

Ночью, когда засыпаю от бессилия, представляю, что все могло быть по-другому. Может, во мне есть некая древняя сила, которая ещё не пробудилась. Или я могла достойно вступить в схватку со взрослым мужчиной и сама его убить. Или... или... или... Я ничего не могла сделать. В этом моя вина.

Родители умерли по моей вине.

—Я бездарность. Из-за меня умерли родители, -я вздохнула и прикусила язык, борясь со слезами. —Ты права. Из-за тебя погибли твои родители, -я врезалась в чью-то фигуру, облеченную в черную одежду. Очередной скорбящий. Но со мной ли он говорил? Сердце предательски сжалось. Я посмотрела наверх, чтобы разглядеть лицо говорящего. Накинутый на голову капюшон. Маска.

Чёрная маска, которую я видела несколько дней назад в комнате родителей. Эта маска была на незнакомце. Она полностью закрывала лицо. Вместо вырезов на глазах была тонкая сетка, через которую невозможно было разглядеть цвета глаз. Прорези для губ не было, именно поэтому голос незнакомца становится глухим и пугающим. Я слышу, как он дышит. Как равномерно его дыхание. —Что..? -я сделала шаг назад, механически хватаясь за живот.

Я стояла, прижавшись спиной к холодной стене, и чувствовала, как мое сердце колотится где-то в горле, пытаюсь вырваться наружу. Это был не тот страх, когда боишься темноты или монстров под кроватью. Это был другой страх, липкий и тяжелый, как будто кто-то накинул на меня мокрое одеяло. Каждый его шаг по полированному полу звучал как удар молотка по моей голове. Я хотела кричать, но из горла вырывался только тихий, жалкий писк. Ноги стали ватными, и я боялась, что упаду, что он меня достанет. Я закрыла глаза, пытаюсь представить маму и папу, их теплые руки, их смех. Но вместо этого перед глазами всплывало его лицо, искаженное какой-то жуткой улыбкой.

Воздух стал густым, как кисель, и дышать было трудно. Мне казалось, что я тону в этом страхе, что он затягивает меня, как болото. Я чувствовала, как по спине ползут мурашки, а руки дрожат так сильно, что я не могла их остановить. Я была маленькой, совсем маленькой, и он был таким большим и страшным. Я хотела, чтобы это все было сном, чтобы я проснулась в своей кроватке, а мама пришла и обняла меня. Но реальность была другой. Реальность была в его глазах, в его шагах, в этом ледяном ужасе, который сковал меня целиком.

—Я все переживал, что ты не узнаешь меня,

-мужчина хохотнул, делая шаг мне навстречу.

Я сглотнула ком желчи и подавила поток слез. —Кто ты? Что тебе нужно? Мой брат ждет меня внизу!

—Брат? Я разве тебе не говорил, что его больше нет?

Я и забыла. Вылетело из головы. Но его тела нет! Я имею право не верить в это, пока не дождусь доказательств.

—Не ври!

—Я не вру, моя маленькая Тори. Зачем мне тебе врать? Я помню его темные густые волосы, которые, когда отрастали, вились. Карие глаза.

Загорелую кожу. Он полная твоя противоположность. А все из-за того, что в нем нет крови твоих родителей. Так бы он был блондином с прекрасными голубыми глазами, как у тебя. -в его голосе чувствовалась обида. Из-за чего она? Что он хочет этим сказать?

—Что тебе нужно?

—Я же говорил, что хочу поиграть с тобой. В прошлый раз мы играли в прятки, но ты нарушила правила. Сегодня я хочу поиграть с тобой в догонялки, -мужчина поправил капюшон.

—Я не хочу с тобой играть! Меня сейчас будут искать! -я попыталась вырваться, но крепкая рука мужчины сжала мое горло, вдавливая в стену. Воздух, который я так любила вдыхать полной грудью, вдруг стал густым и тяжелым. Он не хотел пролезать в мои легкие, будто кто-то невидимый зажал мне нос и рот ладонями. Я пыталась вдохнуть, но получалось только жалкое, хрипкое пыхтение, похожее на то, как пылесос пытается засосать что-то слишком большое.

Сердце забилося так быстро, что казалось, оно хочет выпрыгнуть из груди и убежать от этого страшного ощущения. Каждый удар отдавался в висках, как молоточек, стучащий по барабану. Глаза начали слезиться, но слезы не могли вытечь, они будто застыли внутри, смешиваясь с паникой. Я чувствовала, как мои руки сами собой тянутся к шее, пытаюсь отодвинуть то, что меня душит. Но там ничего не было, только моя собственная кожа, которая вдруг стала чужой и слишком тугой. Казалось, что мои ребра сжимаются, не давая грудной клетке расшириться, чтобы хоть немного воздуха проскользнуло внутрь.

Мир вокруг начал расплываться, цвета стали тусклыми, а звуки – приглушенными, как будто я оказалась под водой. Я видела, как мама машет мне рукой, но ее губы двигались беззвучно, как в немом кино. Хотелось крикнуть, позвать на помощь, но из горла вырывался только тихий, жалобный стон. Каждая секунда тянулась как час. Я чувствовала, как силы покидают меня, как будто Дементоры высасывают из меня всю жизнь. Но где-то глубоко внутри, в самом маленьком уголке моей души, еще теплилась крошечная искорка надежды, что это скоро закончится, что я снова смогу дышать. Так и произошло. Человек в маске отпустил руку, кидая мне круг спасения. Я схватилась за шею, массируя место, куда давили пальцы.

—Ты же любишь играть. Всегда просила Моргана поиграть с тобой, а он отказывался, -мужчина присел передо мной на коленях и убрал прядь моих волос за ухо.

—Откуда ты столько знаешь про Моргана? —Я достаточно много знаю и о тебе, и о твоих родителях, и о твоём брате... А знаешь что? Что-то мы заболтались с тобой. Игра началась. Дам тебе двадцать секунд форы, чтобы ты смогла убежать.

Время пошло. Тик-так. Тик-так.

Я поскользнулась на скользком полу, но сразу же поднялась и побежала к лестничной площадке. Куда бежать? На улицу? Обратно вверх? Времени думать нет. Ничтожная фора в двадцать секунд ничего не даст. Надо найти место, чтобы спрятаться.

Или найти людей. Надо действовать. Ноги понесли меня на лестничную площадку, откуда я побежала вверх. Почему не вниз? О чем я думаю? Где мои мысли? В голове из разных осколков, которые по мере поворота по коридору, катились из одного угла черепной коробки в другой, складывался план. Найти людей. Бежать в толпу, куда не пойдет человек в маске. Если людей не будет, то искать запасной выход и спуститься по пожарной лестнице на улицу, а оттуда в полицейский участок. Если лестница будет далеко, то спрятаться где-нибудь.

Я бежала. Сколько времени прошло? Как далеко мне удалось сбежать? Станет ли незнакомец в маске бежать? Снимет ли маску, чтобы не привлекать внимание? Что он на самом деле хочет? В уголках глаз мелькали двери комнат, горшки с растениями, лавочки. Ничего нужного. Казалось, что я бегала по кругу, теряя время. Больше всего было страшно заворачивать за угол, я боялась, что, повернув, ударюсь в грудь человеку в маске и окажусь в ловушке, как бабочка, пойманная в сачок. Стало тяжело дышать. Дыхание было рваным, острым, как битое стекло. Я не бежала — я летела по бесконечным, гулким коридорам больницы, где свет

люминесцентных ламп делал тени живыми и хищными. За спиной, неотступно, как судьба, следовал он. Человек в безликой маске, чьи шаги не выражали ни спешки, ни усталости. Они были обещанием конца. Моего конца.

Я не могла кричать, не могла позвать на помощь. Голос умер где-то глубоко внутри, задущенный ужасом. Ноги горели, легкие разрывались от боли, но страх был сильнее. Он гнал меня вперед, мимо пустых палат и постов медсестер, где сейчас царила мертвая тишина ночи.

Взгляд зацепился за неприметную дверь в конце коридора. «Морг». Слово, от которого веяло могильным холодом, сейчас показалось спасением. Последним убежищем. Я толкнула тяжелую створку и провалилась в стерильную, ледяную пустоту. Запах антисептика и чего-то еще, сладковато-неуловимого, ударил в нос.

Тишина здесь была другой. Не пустой, а абсолютной, давящей. Я метнулась вглубь помещения, к стене из одинаковых стальных дверей. Я знала, где они. Я была здесь тридцать минут назад, чтобы попрощаться.

Пальчики, синие от холода и страха, нащупали нужную ручку. Номер 7. Папино счастливое число. С нечеловеческим усилием я потянула на себя. Дверца со скрежетом поддалась, выпустив облако морозного пара.

Внутри, под тонкой простыней, лежал мой папа. Его лицо было умиротворенным, словно он просто спал в этой ледяной колыбели. Слезы хлынули из глаз, смешиваясь с потом на щеках. Не было времени думать. Я забралась в узкое пространство рядом с ним, свернулась калачиком, прижимаясь к его неподвижному, холодному боку. Ледяная ткань простыни обожгла кожу, но здесь, в объятиях смерти, я впервые за эти страшные ночи почувствовала себя защищенной. Я закрыла глаза и замерла, превращаясь в еще одного тихого обитателя этого места, пока за дверью снова не раздались тяжелые шаги. Здесь, рядом с ним, монстр меня не найдет. Здесь, во льду и тишине, я снова была в безопасности.

Холод. Он пробирает до костей, до самых кончиков пальцев, до самой души. Я сжимаюсь в комочек, пытаюсь стать меньше, незаметнее, слиться с этим ледяным царством. Здесь пахнет чем-то странным, не как дома, не как в школе. Это запах, который я никогда раньше не чувствовала, но он кажется таким... правильным для этого места. Дверца холодильника плотно прижата к моей спине. Я слышу, как мое собственное сердце колотится где-то в горле, заглушая все остальные звуки. Каждый стук отдается эхом в этой тишине, и я боюсь, что он услышит. Он. Человек в маске. Я не знаю, кто он. Я не знаю, почему он здесь. Я только знаю, что он страшный. Его шаги по полу кажутся такими громкими, такими тяжелыми. Они приближаются, и я задерживаю дыхание, молясь, чтобы он не заметил меня.

Я закрываю глаза, но это не помогает. Образ его маски преследует меня. Она была черной, с пустыми черными глазами, которые, казалось, смотрели прямо на меня. Я помню, как он протянул руку, и я побежала. Бежала так быстро, как только могла, пока не нашла это место. Это холодное, темное, безопасное место.

Я прижимаю ладони к ушам, пытаюсь заглушить звуки снаружи. Но я все равно слышу. Слышу его дыхание, его шаги, его... что-то. Это так страшно. Я хочу плакать, но боюсь, что мой плач выдаст меня. Я думаю о маме и папе. О том, как они всегда говорила мне, что я сильная. Что я могу справиться со всем. Но сейчас я не чувствую себя сильной. Я чувствую себя маленькой и испуганной. Я не оправдываю своего имени. Это не победа. Мой страх лишь поражение.

Я открываю глаза и смотрю вокруг. Здесь темно. Я снова слышу шаги. Они совсем близко. Я зажмуриваюсь, сжимаясь еще сильнее. Пожалуйста, пожалуйста, пусть он уйдет. Пусть он не найдет меня. Я чувствую, как дрожит мое тело. Холод пробирает меня до костей, но это не тот холод, который я боюсь. Я боюсь его. Я боюсь человека в маске. Я молюсь. Молюсь всем сердцем, чтобы он ушел. Чтобы я могла выбраться отсюда. Чтобы я могла вернуться домой.

И тогда... тишина. Шаги ушли. Я жду. Жду еще. Ничего. Я медленно открываю глаза. Я все еще здесь. В холодильнике морга. Но он ушел. Я делаю глубокий, дрожащий вдох. Холод все еще пробирает меня, но теперь он кажется не таким страшным. Я выжила. Я спряталась.

Я готова выбраться отсюда? Прежде, чем я успеваю подумать, дверца холодильника со скрипом открывается, и яркий свет бьет в глаза, заставляя щуриться. Сердце останавливается. Это человек в маске?

–Виктория..? -женщина, которую я раньше не видела смотрит на меня, открыв глаза. - Виктория, что ты тут делаешь?

Слезы хлынули из моих глаз. Я спасена. Меня нашли.

–Иди ко мне, -женщина выкатила металлический пласт, на котором находилась я с папой и протянула руки, чтобы меня достать.

Меня предательски трясло и от холода, и от страха, и от боли. Рядом мирно покоилось тело папы, которое вскоре сожгут.

–Что стряслось? Почему ты здесь? -женщина присела возле меня и погладила по голове. Меня передернуло. Тоже самое сделал человек в маске. –Он... он... -я не могла говорить. Зубы стучали, а губы пересохли. -Помогите.

–Хорошо. Меня зовут Ванесса Грэй, -женщина мило улыбнулась. -У меня дочь твоя ровесница, думаю, вы поладите.

–Вы меня удочерите? -я сделала шаг назад. Я не капризная, но я не хочу, чтобы надо мной брали опеку. Не из-за того, что я хочу сохранить фамилию, быть исключительно дочерью супругов Мартинес. Нет. Я не хочу, чтобы человек в маске убил и её. А предчувствие говорит, что вторым раундом все не обойдется. Он вернется. Человек в маске придет за мной.

Глава 4

–Ну же, хватит учиться! Отдохни уже! -Карла трясла меня за руку, сложив губы уточкой. –Ты же знаешь, почему я так усердно учусь, -я отложила ручку в сторону.

Прошло два года, как мои родители умерли. Два года я живу вместе с Карлой и Ванессой Грэй, которые стали моей семьей. Они обеспечивают меня всем:едой, жильем, оплачивают развлечения и необходимые вещи, такие как одежда и смартфон. –Твоя мама работает на двух работах, чтобы прокормить нас. Я не хочу, чтобы она обременяла себя, оплачивая и мое обучение в колледже. Миссис Грэй и так много сделала для меня, поэтому своей прилежной учебой я отплачу ей за доброту, -я грустно улыбнулась и достала из рюкзака контейнер с сэндвичами, которые приготовила миссис Грэй. –Да брось! Нам поступать только через шесть лет, ещё успеешь нагнать, -Карла взяла сэндвич с ветчиной и дала мне термос с горячим шоколадом. Потом порвала пакетик с маршмеллоу и кинула в крышку-кружку.

–Обожаю шоколад, который готовит миссис Грэй, -я сделала несколько больших глотков и вытянула ноги под партой, закрывая глаза.

На меня начали накатывать воспоминания. Мама тоже готовила мне горячий шоколад. Он был вкусным. Мысли плавно перешли к Моргану. Каждый день, начиная со дня его мобилизации, я пишу ему на электронную почту письма, в надежде, что он их когда-нибудь увидит и прочитает. Пусть человек в маске говорит, что он мёртв, а я в это не верю. Морган не даст так просто себя убить. Человек в маске сказал, что хорошо знает мою семью. Может, он вошёл в доверие к брату и моим родителям, чтобы убить? А я его знаю?

Я вижу человека в маске каждый день в кошмарах. Его маска, фигура, голос... Это не дает спокойно спать. Куда он пропал? Почему уже третий год не появляется? У него что-то случилось? Как бы мне не хотелось, сколько бы боли он мне не причинил, но я, по непонятной для меня причине, беспокоюсь. Все ли у него хорошо? Как он?

–Почему первые три месяца ты холодно относилась к нам? -голос Карлы вырвал меня из размышлений.

–А? -я открыла глаза и села ровно, подпирая щеку рукой и прикусывая внутреннюю сторону щеки. Очень хочется спать. Мне не хватает времени в сутках, чтобы и отлично учиться, и высыпаться, и ходить на могилу родителям, и отдыхать. С четырнадцати лет я планирую начать работать, чтобы помогать миссис Грэй.

–Как только мама привела тебя домой, ты как-то холодно общалась с нами. Почему? -говорила Карла, набив рот маршмеллоу и запивая все газировкой. –Это не из-за того, что я не хотела считать вас семьёй или была обижена на вас. Нет. Все из-за человека в маске, -я объясняла Карле в нескольких словах эту ситуацию, но она часто смеялась и говорила, что я преувеличиваю.

–Тот, из-за которого ты кричишь по ночам? -Карла хихикнула и сделала ещё несколько больших глотков колы.

Я кричу по ночам? Не замечала за собой такого. –Да. Он убил моих родителей. Я думала, что он будет преследовать меня, убивать всех, кого я люблю... но, видимо, я ошиблась. Прости, -я обняла Карлу, но под ложечкой предательски сосало, а это плохое предчувствие.

–Да ничего. Просто все это странно. Зачем человеку убивать всех, кого ты любишь? -я пожалала плечами. -Извини, но человек в маске мог убить тебя, но не убил.

–Я знаю, -я опять вздохнула, прикусывая губу, и перевернула рабочую тетрадь на следующую страницу.

Карла захрипела и схватила за живот. Я моментально вскочила со стула, готовая к чему угодно. Может, человек в маске подсыпал яд. –Мне надо в туалет, -Карла побежала вон из класса, оставляя после себя шлейф шампуня “маленькая принцесса”.

Я растерялась и не знала, что делать. Только я хотела пойти за Карлой, чтобы помочь или просто спросить, как она, как в класс зашел учитель и сказал всем сесть. Я села самая последняя, глядя на дверь кабинета. Мистер Джонс не любит, когда опаздывают, и может не пустить на урок.

—Открываем учебник на странице... Я волновалась за Карлу. Что произошло? Она отравилась? Начались месячные? Выпила слишком много газировки? Я хотела сходить за ней, но боялась поднять руку, чтобы отпроситься. Как на меня посмотрят? Накричит ли мистер Джонс? Будет ли отпущена едкая шутка про то, что меня плохо воспитали родители?

Я сидела за своей партой и смотрела на дверь, через которую должна была вот-вот войти Клара. Вдруг в коридоре раздался пронзительный звук — пожарная тревога! Сердце застучало быстрее, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Это очередные проделки малышей? Учебная тревога?

Но нас бы оповестили.

Нет, Клара!

Все вокруг сразу оживились: учителя громко кричали, чтобы мы быстро и спокойно выходили из классов. Я встала и побежала к двери, но тут началась настоящая толкучка — дети толкались, кто-то спотыкался, кто-то плакал. Мне стало страшно, но я старалась не отставать, держась за край своей куртки, пытаюсь вытащить телефон. Надо позвонить миссис Грэй, которая сейчас вела открытый урок в старших классах.

Клара, где ты?

Телефон завибрировал в кармане куртки. Я достала его и приложила к уху, пытаюсь что-то расслышать.

—Тори... Заперт... Помогите...

Я кричала в трубку, чтобы Клара повторила, но из-за галдящих детей не могла ничего разобрать. Коридоры были переполнены, и казалось, что все бегут в одном огромном потоке. Я искала глаза Клары среди толпы, которая стремительно толкала меня к выходу, но пока не могла её найти. В голове крутились мысли: «Надеюсь, она в порядке... Надеюсь, это всего лишь учения...» В этот момент я увидела среди волнующихся школьников и пытающихся их успокоить учителей одного безмятежного человека, который стоял в самом конце коридора. Он был одет в черную толстовку и такого же цвета маску, под которой скрывался убийца моих родителей.

Заметив, что я на него смотрю, он помахал рукой.

—Тори... —Нет!

Толпа толкала меня к выходу. Сколько бы сил я не прикладывала, но идти против течения было тяжело. Я не могла справиться с давлением, которое оказывали другие ребята. Кого-то удавалось обойти, через кого-то пробраться. Но меня за плечи схватила миссис Грэй, спрашивая, что происходит. Она увидела слезы на моем лице.

—Тори, надо бежать! —миссис Грэй подтолкнула меня, но я пыталась твердо стоять на земле. —Это не учебная тревога!

—Клара... что-то произошло... надо спасти... туалет...

—Тори, беги к выходу, я найду Клару, —миссис Грэй похлопала меня по плечу и стала быстро пробираться через толпу.

Справится ли она? Может, ей нужна помощь?

С третьего этажа начал доноситься запах дыма. Температура в помещении стремительно увеличивалась, а паника нарастала. Сердце гулко колотилось.

Я обернулась, чтобы убедиться в том, что увидела именно человека в маске, а не перепутала его с кем-нибудь, но было слишком поздно. В уголках глаз показалось ясное небо и толпа учеников, переживающих за личные вещи.

Я спустилась с лестницы и стояла в первых рядах, чтобы вовремя заметить Клару и миссис Грэй. Школьники и учителя продолжали спускаться и занимали свободные места на площадке. Кто-то закрывал нос и рот тканью или ладонью, кто-то сильно кашлял, перепачканный сажей, кто-то выходил вприпрыжку. Но среди них не было ни Клары, ни миссис Грэй.

Мое сердце забилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я ждала, ждала, когда они выйдут, обе, целые и невредимые.

Но вместо этого раздался оглушительный взрыв. Школа содрогнулась, окна вылетели с таким грохотом, что я зажмурилась. Куски кирпичей, стекла, деревья полетели во все стороны. Я упала на землю, закрыв голову руками.

Когда я открыла глаза, школа была объята пламенем. Черный дым валил из окон, крыша рухнула. Я смотрела на это ужасное зрелище, и слезы текли по моим щекам. Миссис Грэй и Клара...

Они не вышли. Они остались там, внутри. Мое сердце сжалось от боли. Я не могла поверить, что это произошло. Опять кто-то умер. И в этом моя вина. Моя школа, мои друзья, мои учителя... Все это исчезло в одно мгновение. И Клара, такая жизнерадостная, такая добрая, она тоже исчезла. И миссис Грэй, будившая меня по утрам, готовившая вкусные завтраки и водившая на выходных в кино. Я сидела на коленях, обняв их, и плакала. Плакала за Клару, за миссис Грэй, за всех, кто остался в этой горящей школе. Плакала за себя, за то, что я видела, за то, что я пережила. Мой мир только что рухнул.

Снова.

Боль утраты – это не просто чувство. Это физическое ощущение, которое сжимает грудь, лишает воздуха и заставляет мир вокруг казаться чужим и враждебным. Смерть – это не конец, а переход. Но для тех, кто остается, этот переход ощущается как бездна.

В пламени я видела лишь человека в маске. Почему они? Почему не я? Миссис Грэй могла бы остаться в живых, если бы я не сказала, что её дочь в туалете. Клара была бы жива, если бы я пошла за ней. Они были бы живы, если бы миссис Грэй не нашла бы меня в морозильной камере морга. Были бы живы, если бы мои родители не умерли. А родители были бы живы, если бы я не родилась. Из-за меня все умирают. Это я должна умереть. Я била себя в грудь, тянула за волосы, пытаясь избавиться от кошмарной боли в сердце. Почему они? Почему люди рядом со мной постоянно умирают? Почему мое сердце разрывается на куски каждый раз?

Прогремел ещё один взрыв, но уже из подвала. Очередная порция кирпичей полетела во все стороны. А рядом со школой, точнее с тем, что осталось от неё, сложив руки на груди стоял человек в маске, удовлетворенный своей работой. Он поднял большой палец руки, а потом помахал рукой, говоря, что это еще не конец.

Глава 5

—Мне сказали, что ты исчез навсегда, -я шла рядом с Морганом по лесу в сопровождении мелодичной песни ранних птиц. Под ногами хрустели ветки, а я радовалась тому, что гуляю сейчас с братом. Все казалось таким нереальным.

—Я не мог исчезнуть, не попрощавшись, -Морган потрепал меня по светлым волосам и улыбнулась. Его темные кудряшки переливались на солнце. Мой брат красивый. Высокий, подтянутый, немного худощав. Но его лицо красивое.

—Ты не должен ничего объяснять, -я улыбнулась, но настроение резко сменилось. На небе появились гроззовые тучи, воздух стал сухим, а птицы замолкли. Никогда не замечала за собой нервозность и злость на людей. Что бы они не делали, но это не дает мне права злиться на них. Никто не заслуживает того, чтобы на них злиться. -Ты идешь дальше, пожалуйста. Я тебе не мать, чтобы запрещать. Я прикрыла рот рукой, сильно жалея, что сказала это.

—То есть наша история закончена? Я никогда не собирался идти дальше без тебя. Меня не было дома пару месяцев, но я не мог перестать думать о тебе, -в голосе брата и забота, и раздражение. Конечно, ему двадцать, он хочет веселиться с друзьями, но ему досталось такое бремя, как я. Ему нужно заботиться обо мне до моего совершеннолетия. Так положено по закону. -Пойдем со мной!

Я села на корточки, пряча голову в колени и раскачиваясь взад-вперед, как душевно больной человек.

—Чего ты боишься?!

—Тебя... Я боюсь тебя!

Рядом с моим братом стоял человек в маске, прижав нож к его горлу.

—Ты до сих пор не узнала меня? -человек в маске расхохотался.

Я нервно вздрогнула, чувствуя под собой пол. Это сон. Это обычный сон. И пока я не провалилась в очередной кошмар, отметила для себя, что человек в маске ростом с моего брата и по телосложению примерно такой же. Невозможно определить из-за чёрной толстовки. Я провалилась в сон, крепко прижимая к себе кусок одеяла.

Мы сидели вместе с Кларой за партой и смеялись над её рисунками в учебнике. Вот она подрисовала рожи и трезубец Шекспиру, а тут нарисовала усы Эмили Бронте. Я тоже не отставала от неё и нарисовала солнечные очки Джорджу Оруэлл. —Набей ему тату на лбу, - Клара сейчас разрисовывала портрет Ньютона, продлевая за рамку его кофту и дорисовывая женские ноги в клетчатых чулках.

Мы беседовали обо всем на свете, и пока я искала следующего автора, похлопывала подругу по плечу. —А помнишь учебную пожарную тревогу?

-карандаш в руках Клары застыл, а улыбка сошла на нет.

—Тори, она была не учебная, -на лице Клары начали появляться сильнейшие ожоги и образовываться наросты. -Я не спаслась. В классе больше не было ребят. Я сидела одна за партой и держала в руках браслетик, сделанный Кларой. Возле меня стояла её чёрно-белая фотография с чёрной лентой внизу. —Прости меня... это все моя вина.

Я открыла глаза, глядя в серый бетонный потолок, на котором уже играли солнечные лучи. Это был очередной кошмар, не более, но слезы продолжают скатываться с глаз. Когда я уже смогу спать спокойно? Когда этот ужас отпустит меня? Я поднялась со спального мешка на холодном полу и села в позу лотоса, глядя на голую стену в трёх метрах от меня. Скоро

принесут есть. Скупая порция сладкого картофеля, пару бобов и стакан молока. До обеда хватит, а там, может, подадут порцию побольше. Но за два года этого не произошло. Я продолжаю каждое утро просыпаться в комнате три на пять метров, где находится только мешок для сна. Маленький кусочек неба на прогулке. Каждый день подают одну и ту же еду. Я не жалуясь, просто этого еле хватает на то, чтобы получать необходимые витамины для роста и развития. Но все могло бы быть хуже. Мне могли бы не дать черный комбинезон, могли бы не кормить и не обеспечивать местом для сна. И так на протяжении семиста сорока восьми дней.

Железную дверь с небольшим отверстием для подачи еды отворили, и в проёме появился высокий мужчина крепкого телосложения в уникальной униформе, которую я хорошо помню. Человек в этой униформе подошёл ко мне в через пару минут после взрыва в школе и посадил в джип, где мне на голову надели мешок. Так я и оказалась здесь без понятия, где нахожусь.

Мужчина протянул мне кусок плотной ткани, на которой было вышито “6911” и указал на область чуть выше груди. Я прикрепила номер и посмотрела на мужчину.

—Для чего он мне? —спросила я, глядя на мужчину, половина его лица была скрыта маской, а темные глаза источали холод.

—Не положено разговаривать со Смертниками, —охранник развернулся, а я стояла в ступоре.

Смертниками? Значит, я...

—Извините, вы сказали “со Смертниками”? Вы, случайно, не знаете о Моргане Мартинес? —это было самым важным, что я хотела спросить. —Он мёртв, —бросил через плечо охранник. Я поджала губы, монотонно кивая головой. Человек в маске не врал. Морган действительно мёртв. У меня не было ощущения, что все внутри упало, каких-то болезненных чувств. Я мирилась с этой мыслью долгие четыре года, а теперь она подтвердилась. Но я не понимаю, почему оказалась здесь, в лагере для Смертников. На протяжении двух лет я не встретила ни одного человека, кроме охранников.

—Куда мы идем?

—Молчи, Смертник, если не хочешь, чтобы тебе прострелили лоб, —только сейчас я заметила автомат на плече мужчины и пистолет в кобуре на поясе. Зачем столько оружия? Мне не доверяют? Что я могу сделать против взрослого мужчины? Смертник. Такое странное слово. Почему именно оно? Как оно характеризует таких, как я? И почему я стала им? В голове начали всплывать фразы, которые я слышала в день смерти Клары и миссис Грэй. “Я слышала, как она сказала, что в туалете кто-то есть”, “Миссис Грэй бросилась в самое пекло, потому что она ей сказала”, “Клара и Виктория плохо ладили, поговаривают, Виктория завидовала Грэй и обмолвилась, что хочет быть вместо неё. Типо, у Виктории нет родителей, а она мечтает о семье”.

Разные голоса, которые заполняли уголки разума. Столько людей обвинили меня в смерти Клары, миссис Грэй и других учащихся и учителей. Так и есть. Человек в маске охотился на меня, поэтому заложил бомбу в здании. Из-за меня умерли все, кого я когда-либо любила.

Мужчина остановился перед двойной дверью и повернулся ко мне лицом.

—За вами будет осуществляться круглосуточный надзор. С этого дня вы находитесь в социуме. Ваши вещи перевезут в общую спальню.

Вещи? У меня нет вещей. Один черный костюм, который я сама стираю. Пара изношенных ботинок.

Резинка для волос. Все. Каждый день я просила книги, читала и их потом уносили. У меня не было никаких игрушек, гаджетов или других предметов. Не было и клочка бумаги, чтобы я смогла порисовать. О каких вещах он говорит?

—Спасибо большое, —поблагодарила я и улыбнулась. Они позаботились обо мне. Объединили с другими людьми, и мне будет с кем поговорить. Теперь не будет гнетущей тишины, сводящей с ума.

Мужчина сначала растерялся, но через мгновение принял прежние выражения лица и открыл дверь, за которой вкусно пахло едой.

Я вошла в двери и остановилась через пару шагов. Столько подростков, примерно одного возраста со мной. Были и помладше, и постарше. И все смотрели на меня брезгливым взглядом. Кто-то перестал жевать, кто-то презрительно фыркнул, а кто-то начал активно обсуждать.

Ни одного человека в чёрной одежде. Все были либо в серой, либо в белой. Таким цветом помечают новеньких, наверное.

–Смотри, это же Смертник, –в меня стали тыкать пальцем.

Я закусила щеку, думая, что, скорее всего, плохо причесалась, наклеила номер вверх ногами или чем-то испачкалась. Ноги понесли к раздаточному столу, где образовалась небольшая очередь. Те, кто там стоял, отшатнулись от меня, как от прокаженной.

Сердце защемило. Что происходит?

Очередь рассеивалась. Всем ребятам передо мной накладывали полные подносы разнообразной еды. Суп, гарнир, компот и булочка на десерт. В животе забурлило от желания насытиться едой, которой так не хватало. Я съем все, что мне дадут, даже то, что я никогда не любила. Только бы утолить голод. –Здравствуйте! –я мило улыбнулась и протянула поднос. Толстая женщина смерила меня подозрительным взглядом и поставила на поднос полупустую тарелку с кашей, половину печенья, которое раскрошилось в её руках и протянула стакан с водой. –Спасибо большое.

Я не хочу возмущаться, почему мне дали меньше всех. Наоборот, я благодарна ей, что она дала мне поесть, не проигнорировала. Теперь нужно найти место, куда сесть. Длинные столы и скамьи, как в школьной столовой, за которой сидят обычные подростки и что-то обсуждают. Так просто к ним сесть, поздороваться и влиться в коллектив. Для большей дружелюбности можно посмеяться над шуткой или самой пошутить. Так и сделаю. Я заметила стол со свободным местом. За ним сидело несколько девчонок моего возраста. Они смеялись, шуточно ударяя друг друга по плечам в серых комбинезонах. Я подошла к ним, широко улыбаясь и собираясь поставить поднос на гладкую столешницу, как шум за их столом стих.

–Проваливай отсюда, –прорычала рыжая девочка с номером 143. У неё была проколота бровь.

Смотрелось симпатично.

–Извините, пожалуйста, –я поджала губы и под их хохот пошла к другому столу. Я понимаю их, поэтому не обижаюсь. Они уже, наверно, долго дружат и просто не хотят впускать в свой коллектив чужака. Да и не буду делать поспешных выводов, основанных на своих чувствах и мыслях. Это тоже самое, что с видом знатока говорить, что два плюс два будет пять.

Вот ещё один столик. За ним три парня и две девушки. Они игрались, наставляя друг на друга длинные пирожки, словно пистолеты. Меня передернуло. Из-за грохота выстрела я стала бояться грома и фейерверков. Каждый раз при взрыве мысленно переносусь в день убийства моих родителей и день взрыва в школе.

Я прошла мимо. Так было с ещё двумя столами. От четырёх меня отогнали, говоря, что не хотят даже сидеть рядом с такой, как я. Это из-за одежды. У всех либо белые, либо серые комплекты и только у меня черный. Неужели, больше нет Смертников? Их всех убили? Меня тоже убьют? Я не боюсь умирать, но также я хочу прожить долгую и счастливую жизнь. В самом дальнем углу стоял стол, за которым сидел один парень, глядя на свой поднос, полный еды. Он просто смотрит на неё, не прикасаясь.

Интересно, он молится? Я немного осмотрела его.

Светло-каштановые короткие волосы. Темные глаза.

Он был немного худее остальных, лицо заострённое.

–Привет, –я поставила свой поднос на стол. Успех.

Так далеко я ещё не заходила сегодня.

Парень поднял карие глаза и посмотрел на меня. Точнее, не на меня. Он будто смотрел в пустоту.

–Я могу сюда сесть? -я посмотрела в его тарелку.

Даже не притронулся к еде. Он не может есть?

Чем-то болен? Аллергия?

Парень, на вид он был старше меня года на два-три, молча встал и взял свой поднос. Проходя мимо мусорки, он выкинул еду и вышел. Похоже, мне будет тяжело. На меня смотреть не хотят. Настолько плохо быть Смертником? Мысли плавно перетекли к Моргану. Ему было поручено убивать Смертников. Так неужели мой брат, мягкий и добрый, убивал их? За что? За то, что они... за то, что мы подверглись несправедливому обвинению?

Что с этим миром не так?

Миссис Грэй однажды сказала, что скоро эта помешанность на Смертниках закончится, стоит только прийти новому правительству. Когда будут выборы? Этого я не знаю. Мои будни напоминают день сурка. Но сейчас они будут разнообразнее, потому что вокруг меня столько людей.

Я засунула ложку в рот, чтобы насладиться вкусом каши, как в комнату входит мужчина с автоматом и объявляет, что всем нужно пройти в зал. Нас ждет какое-то объявление. Мужчина поправил кобуру с пистолетом и вышел за дверь.

Глава 6

Мы по очереди начали выходить из столовой. Я затесалась в толпу ребят, говорящих друг с другом, и улыбнулась. Меня не прогнали. Очень надеюсь на то, что так будет всегда, что остальным надо привыкнуть ко мне и тогда все будет хорошо. Мы поладим с ними. Я хочу в это верить и приложу к этому максимум усилий.

Все выстраивались в шеренги по десять человек, как в школе на физкультуру, только здесь не делились на парней и девушек. Я стояла в седьмой шеренге с самого краю и смотрела на сцену, с которой должно было прозвучать объявление. Что нам скажут? Пусть это будут хорошие новости. Никто не любит плохие.

—Доброе утро! -гул смолк, но некоторые ребята начали шептаться.

Я почувствовала, как в голову прилетело что-то мягкое и упало на пол. Скомканная бумага. Это записка? Её можно поднять?

—... Как гласит наш девиз: “Все лучше, чем быть
Смертником”

Я застыла, глядя на бумажку. Все лучше, чем быть
Смертником? Что это значит? Что им сделали
Смертники? Почему их считают такими ужасными?

Об голову опять что-то ударилось, на этот раз большое и массивное. Чей-то ботинок. Следом полетели ручки, бумажки и выкрики, что все Смертники заслужили смерти.

—... Я понимаю ваш настрой и полностью поддерживаю. Поэтому хочу представить вам Смертника. Виктория Мартинес. Номер 6911, -на меня направили луч света. Сзади, спереди, по бокам слышался свист, пожелания смерти, громкий залиvistый смех.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы не заплакать. Я же не сделала ничего плохого. Я никого не убивала. Ни человека, ни животного, даже пауков не убивала. Никого не оскорбляла. Но меня ненавидят. Ненавидят за то, что я жертва обстоятельств. Я не имею права злиться на них, осуждать или пытаться убедить в своей невинности. Я просто проглочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.